

«УНЫНИЕ, ОТЧАЯНИЕ ТОСКА»

Гончаров В. И.

«И Слабостью рожденные три птицы — Уныние, Отчаянье, Тоска, — три черные, уродливые птицы, — злоеце реют над его душою и все поют ему угрюмо песнь о том, что он — ничтожная букашка, что ограничено его сознание, бессильна Мысль, смешна святая Гордость, и — что бы он ни делал — он умрет!»

М. Горький

Оладушки

Стекло оконное звенит,
Снаряд бросается в зенит,
Трясётся дом – от страха ли?
Скрежешут танки траками.

А я пеку оладушки,
Как у любимой бабушки,
По краешку все белые,
В серёдке загорелые.
Лежат ещё горячие,
Я под тарелку прячу их.
Когда пройдёт сражение,
Солдатики придут
И снимут раздражение –
Оладушку возьмут,
Попробуют с вареньицем,
Похвалят, не поленятся:
«Хозяйка хороша!»
«И руки – просто золото»
«В ней доброта без холода»
«Прекрасную, приветную
Помянем бабу бедную...»
Так доедят последнее
И выйдут неспеша.

Гадкий утёнок

Зима тяжёлой пеленой
На берег озера спускалась.
В воде, покрытой льда тюрьмой,
Всё меньше воли оставалось.

Уже родные берега
Пришлось оставить стае уток –
Летели птицы на юга,
Желая тёплого приюта.

Мороз ужесточает плеть,
И ждать становится опасно.
Уже готовятся лететь
Четыре лебедя прекрасных.

Последний раз их белых тел

Коснулась грань водицы гладкой.
На их прощание смотрел
Из камыша Утёнок Гадкий.

Он много боли испытал
И от сородичей закрылся,
И в тайне каждый день мечтал
Быть, как они, прекрасной птицей.

Его не принимал никто,
И все кляли его уродом.
Утёнок бросил отчий дом
И так скрывался год за годом.

Не стал своим среди зверей,
Не стал своим среди наседок.
Теперь, завидев лебедей,
Хотел открыться напоследок.

«Как величаво шеи гнут!
Моей же нет на свете хуже.
Так пусть уж лучше заклюют,
Чем сгину в одинокой стуже!»

Всю боль в один вложив порыв,
Своё присутствие он выдал,
А лебеди, главу склонив,
Поражены Утёнка видом.

Природной красотой дыша,
Они красотам цену знали,
Среди осок и камыша
Урода насмерть заклевали.

Под зимней смертной пеленой
Гладь озера в тоске пустела.
В покров белёсый ледяной
Вмерзало мертвенное тело.

По Вырыпаеву

Спит мёртвая баба сном мёртвым давно,
А мёртвый мужчина не спит всё равно.
Он плачет на грязном полу избяном,
Он плачет затем, что совсем не смеётся,
А он не смеётся, поскольку из глаз

Стекают на щёки потоки,
Слёз хладных, как из колодца.
Жена умерла, она спит не в дому.
Муж умер, но тоже не может уснуть –
Терзает того мертвеца
Глухая бессонница.
Он бесится, плачет и слёзы его
Стекают в густой бороде.
Не спит он и слышит, как мёртвый щегол
Запел.

Щегол незнакомый для мёртвого пел,
Язык незнакомый заморский скрипел,
Могилу наполнил, напомнил...
От звука того костенеет душа,
И власы с ногтями растут неспеша.
И плачет мужчина в могиле жены,
Пока она видит загробные сны,
И мёртвый щегол поёт тут,
И волосы тут растут.
Мужик в одиночестве жнёт пустоту,
Вокруг ничего, ни при жизни чего, ни по смерти его,
Лишь вечно жена почивает,
Лишь вечно слезу проливает,
Лишь вечно щегол напевает
И рвет мёртвой песней загробную тишь.
Где слезы, там нету причин, лишь зачин,
Где сны, нет зачина и много причин.
С причинами ты
один на один.

Зачина не сыщешь вовек.
Закрой соплетения век
И плачь или спи, человек.
От слёз не упрячешь, от снов не сбежишь
И даже когда ты в могиле лежишь.
Ты спишь или плачешь, по чём?
На сердце твоём горячо?
Ты плачешь, что умер старик за горой,
А в доме ребёнок родился второй,
Чтоб умер и он за горой.
Он вырос, состарился, умер и всё,
Об этом мы плачем, руками трясём.
Зачем ты рожаеть, безмозглая баба,
Ты скользкая, мерзкая глупая жаба,
Зачем ты рожаеть седых стариков?
Здорового хоть родила бы?

А каждый рожденный старик не таков,
Он старится, ёжится, злится,
И в гроб сосновый ложится.
Зачем он для бога живет наяву?
Зачем он сминает земную траву,
А после лежит в гробу?
Едят его тело сплетенья червей,
А душу гнилую сжирает...
Гнилую, как старую чёрта избу
Невидимый бог сжигает
И греется в холоде вечных ночей.
Невидимый бог, кто укажет ему?
Позволено в вечности всё одному,
Он тело сожрёт и оставит лишь кости,
Но баба мужицкой не ведает злости.
Он слышит напевы щегла.
Его завлекает мгла.
И мгла отвечает ему одному:
Покойся спокойно, тебя не возьму.
Душа твоя пусть загниёт в темноте
Сгниёт и разложится, точно как те,
Как те, кто веками лежал в темноте,
Под ними земля,
Над ними земля,
И мать-змея
Твоя...
Лежат, загнивают и кормят червей,
Душа их неподалёку.
И изредка только во мраке ночей
Щегол запеваёт высоко.
И пеньем его наполняется слух,
И уши, что полны личинками мух.
Под ним разлагается, стынет душа,
И власы с ногтями растут неспеша.
И нету давно их тел,
Ты этого, верно, хотел?
Мужик не ответил, мужик замолчал,
И молча рыдал,
И молча страдал,
И тайну души разгадал:
Сожрут тебя черви, сожжёт тебя Бог,
И там, где ты жил прорастёт влажный мох
И вечный покой не хорош и не плох,
Но лучше бы я и ослеп и оглох,

И тайны не знал и не звал, и не ждал, и я спал, чтобы спал, чтобы спал, с
меня спал...

И долго ещё тот мужик повторял.
А мёртвый заморский щегол
Замолк.

Лайк

Загорается чёрный экран,
Мы опять пребываем в начале.
Не боюсь растравления ран,
Я хочу говорить о печали.

Эта грустная повесть сети
Затерялась в сплетениях кода.
Я не дам цифрового пути,
Не скажу её точного года.

И героя не стану сверять,
Был он девочкой или мальчишкой,
Может, кто-то узнает себя
Или друга, похожего слишком.

Кроме качеств герой этот двух
Не отличен ничем перед светом:
Он имел мелодический слух
И несчастье назваться поэтом.

К старине не стремилась душа,
Не тянулась к античному мифу,
Просто больно порою дышать,
Оттого и писал через рифму.

Заносил он в блокноты стишки,
Как историю сердца болезни,
На заре своей жизни решил
Написать лебединую песню.

Надоело стоять на меже,
Надоели минутные темы,
Он хотел доказать, что уже
Состоявшийся автор поэмы.

Загорелся идеи пожар,
И в клубах предвкушения чада
Девять месяцев автор рожал

Своё лучшее новое чадо.

Он не видел, как сходит листва,
Он работал на грани инфаркта,
Напрягая мышцу мастерства,
Выжимая все капли таланта.

Уработавшийся наповал
И покончив с последней огранкой,
Из себя он шедевр достал,
Почти вывернувшись наизнанку.

Труд окончен, поэт ликовал.
Дабы в книгу великих пробиться
Он шедевр опубликовал
На своей социальной странице.

Только тех, в ком к признанию страсть,
Незавидна судьба в интернете:
Что поэма по нраву пришлась,
Просмотрев, ни один не отметил.

Автор смотрит печально и зло
На строку своего палимпсеста:
Просмотревших взлетает число,
Оценивших – не двинулось с места.

Если это цена за труды,
Если всё одобрение это,
То зачем разбивал он сады
И зачем назывался поэтом?

Год трудился почти для чего,
Словно раб на плантациях хлопка?
Magnum opus не стоит его
Даже жалкой единственной кнопки!

В этой жизни поэт понимал,
Что он лучше уже не напишет,
Нету силы, талант слишком мал,
Он достиг потолка... дальше крыша...

Погасает экран голубой,
Оставляя нас, где были прежде.
Не ровняя героя с собой,

Я хочу говорить о надежде.

Я прошу тебя, если найдёшь
Ты поэму с аккаунтом сирым,
Оцени текст, насколько хорош,
Чтобы автор покоился с миром.

...

У Ноалковской читала она «Медальоны»,
Читала, и щёки её покрывались слезою солёной.
О том прочитала, как женщину бьют сапогами,
А та умоляет себя не проклясть избивавших врагами.
Она прочитала и снова, и снова, и снова вгрызалась в страницы –
Прочесть и запомнить, и больше такого не повторится!
Запомнить из этого всё, и такого впредь не случится!
А за углом кожи сожгли продавщицу.

Они копали

Они копали днём.
Они копали ночью.
И что они копали,
Совсем-совсем не знали,
Им не сказали это.
Работали без света,
В снегу и под дождём
И с завываньем волчьим.
Они копали днём.
Они копали ночью.

Они копали ночью.
Они копали днём.
Они копали много,
Совсем не славя Бога,
Который – им сказали –
Познал все их печали,
Хотел все их печали,
Остался непорочным
И правда только в Нём.
Они копали ночью.
Они копали днём.

Они копали днём.
Они копали ночью.
И мудрыми не стали,

И песен не слагали
Ни о своей тоске
Ни в грунте, ни в песке,
И ни о чём своём
Язык их не ворочал.
Они копали ночью.
Они пропали днём.

Искажение отражения

Тишина сжимается до крещендо,
Брешь в моём щите
Изнутри растёт.
Ведь я мог сейчас заниматься чем-то
Настоящим, тем,
Что приносит плод,

Новым колосом, что из почвы старой,
Изгоняя гной,
Огибая гниль,
Восстаёт ржаным животворным жаром
Силы пламенной,
Несгибаемый.

С этим творчеством ход планет синхронен,
Им оглавлен верх,
Им упрочен низ,
Словно пенье труб при Иерихоне
Обнуляет смерть,
Обновляет жизнь.

Но во мне оно отчего-то смолкло,
Стаял лёд ума,
Сердца жар остыл.
Лишь таскаю прах нутряных обломков
С одного холма
На другой пустырь.

Некрасной музе

Я осенью рождён, не золотою -
Не видел раззолоченных ветвей
Листа парадной рыжей красотой
На проводах богатых летних дней.

Рождён я нищей осенью, пустою,

На куцей марле первых снежных проб
Под небом, как могильною плитою,
Положен в чёрно-серый вязкий гроб.

И слабостью рождённые три птицы:
Уныние, Отчаянье, Тоска
Мне пели и в глубинке, и в столице
И волю когтем комкали в тисках.

Вращаю мемы, словно в револьвере,
Чтоб эндорфином выбить часть мозгов.
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Я каждый день в хреновом нестроенье,
Но мне противны жалобы на жизнь.
Дракона не убьёшь, став на колени,
Слезами не построишь коммунизм.

Зажму себе я рот, крик ни один им
Не выпущу искусанной губой.
Останусь оловянным Алладином,
Что гада держит в лампе ледяной.

Собаки гордой танком не задавишь,
Не нужно ей барьеров и защит.
Солдат достоин жалости тогда лишь,
Когда он, обессилив замолчит.

Я не страшусь попутчиков обидеть:
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть,
А значит, надо неустанно бить.

Бесцельным самураем волен стать я,
Поднявшим ржавый испещрённый меч.
Воскресни, муза мести и проклятья,
Нам ещё город предстоит зажечь.